

Заркин

Майшибай

профессор Северо-Казахстанского
университета им. М. Козыбаева,
заслуженный деятель Казахстана

САБИТ МУКАНОВ И ДРУГИЕ НА ПРИЕМЕ У СТАЛИНА

До сих пор нет и, вероятно, долго еще не будет общепринятой точки зрения на роль Сталина в российской и мировой истории. В оценке его деятельности российское общество раскололось на два непримиримых лагеря. Для одних он был тираном, загубившим миллионы невинных сограждан, истощившим страну и заведшим ее в исторический тупик, а для других до сих пор остается кумиром, государственным деятелем, сохранившим Россию, превратившим ее в великую державу и заставившим ее уважать.

Для автора этих строк, бывшего казахстанского коммуниста с 30-летним стажем, 80-летнего журналиста, знакомого в определенной мере с мировой и казахской историей, историей России, Сталин один из революционеров, свергнувших русское самодержавие, в результате чего в 1920 году было возможно создание казахской, пусть кукольной, автономии, преобразованной после в Союзную Республику, на основе которой было возможно создание Независимого государства Казахстан. Это – исторически свершившийся факт, свидетелями которого являемся мы. Известно и то, что при разграничении территории молодой Казахской Республики Предсовнарком России Ленин при поддержке Сталина (наркома национальностей) в 1920 году, буквально сломив сопротивление руководителей некоторых регионов России, как-то: Омской, Оренбургской, Саратовской, Астраханской, Челябинской областей, вернул казахам их исконные земли. Что правда, то правда.

Правда и то, что Сталин, создавая новое социалистическое государство, укрепляя так называемый ленинский революционный большевистский порядок, истребил тысячи невинных сынов казахского народа.

Другой герой настоящих записок, «один из основоположников казахской советской литературы», в свое время уважаемый в народе писатель Сабит Муканов, проше «Сабе», тоже широко известен в стране по сей день. То, что он был крупным человеком во всех отношениях, – по таланту, широте натуры, народному характеру, общительности и неумной энергии, – свидетельствует сама история становления и развития Советского Казахстана. В силу бескомпромиссной преданности идеалам социалистического общества и классового подхода (причем до конца дней своих) в оценке тех или иных явлений общественной и литературной жизни Сабит Муканов имел много друзей и немало недругов. Тем самым и живет в памяти поколений Личностью и Художником, отношение к которому в обществе неоднозначное.

С таким небольшим вступлением предлагаем встречу начинающего «пролетарского писателя товарища Муканова» с «вождем народов» Иосифом Сталиным.

В казахском варианте третьей книги, названной «Годы возмужания», своего автобиографического романа «Школа жизни», написание которой писатель закончил в 1963 году, Сабит Муканов подробно рассказывает о своей поездке в Москву, о том, как был принят И. Сталиным (С. Муканов. Избранное в шестнадцати томах. Том XI. Школа жизни. Книга 3. Годы возмужания. На казахском языке. Алматы, 1977. С. 65–107).

Позволим себе предложить нынешнему читателю «Простора» содержание (собственный перевод. – З. Т.) казахского текста писателя, где он рассказывает, как был принят Сталиным девяносто лет тому назад.

...После того, как попытки молодого поэта Сабита Муканова издать сборник своих стихов в Казахстане не увенчались успехом, в последние дни декабря 1924 года он решает поехать в Москву, где будет жаловаться в Центральный Комитет партии. По его просьбе с ним едет друг и сокурсник по рабфаку Умитбай Балкашев. В Москве они находят гостиницу «Дом делегатов», где по предъявлении членского билета КазЦИК на имя С. Муканова им предоставляется место. Ребята разыскивают Абдоллу Асылбекова, слушателя Ком. Академии, который, просмотрев и внеся некоторые исправления, одобряет заявление Сабита и советует ему, как попасть на прием к Сталину. Это было 25 декабря, на другой день они обращаются в приемную ЦК, где сдают заявление и оставляют номер телефона гостиницы. Через несколько дней их вызывают, Сабита сопровождают в кабинет Сталина.

Цитируем текст Муканова:

«...Войдите», – сказал помощник вождя. За небольшим столом сидел человек с кудрявыми черными волосами и густыми усами, который, хмуро посмотрев на меня, поднялся с места и медленно пошел навстречу. «Вот он, Сталин», – подумал я.

Видимо, запомнив мою фамилию по заявлению, Сталин, протягивая руку, приветствовал меня:

– Здравствуйте, товарищ Муканов.

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – ответил я.

Перед столом, где сидел хозяин кабинета, стояли два плетеных стула. Указав на один из них, Сталин сказал:

– Садитесь!

Я, из вежливости, сел не сразу. Он, видимо, понял мою робость, сначала сел сам. Я тоже сел. Сталин стал рассматривать лист бумаги, лежащий на столе. «Мое заявление», – подумал я...»

Копию этого письма в ЦК партии Сабит Муканов сохранил и позже включил в книгу, при этом заметил: «Никаких поправок я сюда не вношу. Читайте мое заявление в таком виде, как оно тогда было написано. Я только сделал необходимые купюры в местах, не представляющих общего интереса» (с. 67).

«Центральному Комитету РКП(б) от члена РКП(б) с 1925 года, № билета 517640, жителя Оренбурга, студента Госрабфака Муканова Сабита.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Осенью в 1924 году Киргизская Республика отпраздновала пятилетие (в казахском варианте «четырёхлетие»). – З. Т.) своего существования. Этот день – день учета прошлого и день обдумывания перспектив.

Обращаясь к прошлому, приходится сказать, что многое сделано, но и многое упущено. С сожалением приходится отметить, что лозунг культуростроительства в Кирреспублике часто остается на бумаге.

Литература вообще, в частности отсталых народов, в деле подъема культурного уровня масс должна, казалось бы, занимать одну из главных ролей. Распространение среди темных масс народа художественной литературы, близкой по своему духу пролетарской идеологии, казалось бы, должно входить в основные задачи органов просвещения в Киргизской республике. Но этого не видно.

Органы просвещения Киргизской Республики (Наркомпрос и Академический центр Киргизской национальной художественной литературы) мало уделяет внимания этому. Академическим центром и Наркомпросом за всё время существования Киргизской Республики изданы: 1) сочинения Жумабаева, 2) Дулатова – драматические пьесы, 3) Байтурсунова – стихи и другие произведения.

Все эти авторы по своей идеологии чужды пролетариату. Не вдаваясь в критику художественной стороны их сочинений, нужно прямо и откровенно говорить, что по своему содержанию они носят контрреволюционный или националистический [характер – З. Т.]. Да иначе и не может быть. Жумабаев, Дулатов и Байтурсунов, бывшие активные руководители в национальной киргизской партии алаш-орде, ныне приспособившиеся к Советской власти, не могут писать от том, что им чуждо. Академический центр состоит из Байтурсунова, Дулатова, Омарова, Шонанова и Жолдыбаева. Из всего этого состава только последний, тов. Жолдыбаев, член РКП(б), а остальные четыре ныне “беспартийные” в кавычках, а в недавнем прошлом члены алаш-орды. И вполне понятно, что один Жолдыбаев попал под влияние четырех беспартийных. Поэтому произведения с чисто пролетарским духом Академическим центром не пропускаются под разными предлогами, как например, недостаточность обработки и прочее.

С детства имея влечение к литературе и в то же время будучи выходцем из беднейшей среды, я написал ряд стихотворений на киргизском языке о быте, о судьбе, о новой доле киргизского темного народа. В этих же стихах я критиковал алашордынцев. Рукопись была мною предложена тов. Жолдыбаеву для издания. Тов. Жолдыбаев мне ответил: “Стихи ваши приму и передам на заключение Байтурсунову”. Так как Байтурсунов принадлежал к алаш-орде, это был отказ. Стало ясно, что стихи мои Академическим центром не будут пропущены.

Такое положение вынуждает меня обратиться непосредственно в ЦК РКП(б) и просить об оказании содействия – издать мои стихи в Восточном издательстве. Одновременно прошу передать мою рукопись на заключение члену РКП(б) тов. Асылбекову, знакомому с киргизской художественной литературой и знающему мою жизнь. К заявлению для характеристики своей личности прилагаю свою автобиографию».

Далее автор подробно обрисовывает интерьер кабинета.

Сталин, прочитав написанное, поднимает голову и спрашивает у Сабита, курит ли он папиросы. «Да, курю», – кивает головой тот. Доставая из стола запечатанную пачку сигарет, Сталин протягивает Сабиту. Дает ему и коробку спичек. Сабит отказывается взять. Сталин настаивает, мол: «Бери, бери! Это мой подарок тебе». Далее автор пишет о том, как Сталин, «сам завязав разговор, спрашивал у него, как доехали, об учебе в рабфаке, о ходе новой экономической политики, о положении казашек и др.». При этом Сталин, «видимо, счел необходимыми полученные сведения, что-то записывал в свою записную книжку...», пишет автор.

«Вдруг он поднял и откинув назад голову, неожиданно спросил:

– А Жангелдина Алиби знаешь?

– Да, но не знаком близко, – ответил я.

– Он думает стать ханом казахов, – сказал Сталин, чуть улыбаясь.

– Кажется, не думает, – сказал я.

– Нет, думает, – сказал Сталин, продолжая улыбаться, – по правде говоря, именно он должен был править Казахской Республикой. Для этого и гражданская позиция, и коммунистические качества у него налицо. Однако не хватает уровня образования и управленческих способностей. А так он честный революционер, действительный большевик, храбрый боец.

– Мы тоже ценим и уважаем его за эти качества, – сказал я.

Посмотрев на наручные часы, Сталин сказал:

– Время прошло быстро, перейдем-ка конкретно к вопросам, с чем вы пришли. Прочитал я ваше письмо в ЦК. Увлечаться поэзией – это хорошо. А издавать ваши стихи или нет, это мы сначала должны прорецензировать.

– Я, конечно, согласен.

– К сожалению, – продолжил Сталин, – по-казахски я не знаю. В молодости понимал азербайджанский, и то уже забыл. Кого из знатоков казахского языка и литературы можете назвать в Москве?

Я вспомнил Абдоллу Асылбекова, но Сталин не поддержал меня и подстегнул: «Еще кто?»

Сабит называет фамилию Тогжанова Габбаса, работающего в Центральном Комитете, с небольшой оговоркой от себя, мол, он сын крупного бая, вряд ли может проявить честность в этом вопросе. Сталин не принял замечания Сабита и решил отдать рукопись именно Тогжанову.

– Будет ли он справедливым оценщиком моих произведений? – возразил Сабит.

– Будет! – настоял Сталин и, вызвав помощника, сказал: – Передайте Тогжанову от моего имени, пусть сделает объективную рецензию, – и, обратившись ко мне, сказал: – Вряд ли я могу вас принять в другой раз, рецензию Тогжанова получите в канцелярии.

Через несколько дней Сабит получает долгожданный документ, написанный по-русски и отпечатанный на машинке, который автор через 40 лет включил в автобиографическую книгу как ценную реликвию долгого творческого пути (Сабит Муканов. Школа жизни. Роман. Книга 3. Годы возмужания. Авторизованный перевод с казахского Алексея Брагина. Алматы: Жазушы, 1985. С. 71).

Уважаемый читатель может задаться вопросом: «Почему мы обращаемся к изданию книги на казахском языке, когда имеется и ее авторизованный перевод на русский язык?» Дело в том, что эпизод, связанный с посещением кабинета Сталина в 1925 году, на казахском языке описан автором довольно подробно. А в издании на русском языке писатель «...вновь просмотрел ее и сделал некоторые необходимые сокращения». Думается, что читателю будет небезынтересно и то, что же сокращено в русском издании.

Сравнивая два текста, мы обнаружили существенные расхождения в изложении событий тех дней. Во-первых, в русском варианте нет ни одного упоминания о Сталине, Досове, тем более о Магжане Жумабаеве.

Так, в нем рассказывается, что приехав в Москву вместе с сокурсником и другом детства Умитбаем Балкашевым, свое заявление, адресованное ЦК партии, Сабит Муканов показывает Абдолле Асылбекову, который «слегка подправил» текст и «посоветовал его в таком виде отдать в ЦК», что и сделал Сабит. 26 декабря 1924 года он сдает заявление пожилой женщине, которая напоминает ему о необходимости сдать и рукопись («Оставляйте у нас и рукопись, – сказала женщина, – мы Вам позвоним». С. 69). Сабиту пришлось «терпеливо ждать» телефонного звонка из отдела ЦК. Тем временем его друг Умитбай Балкашев «ждать больше не мог и уехал в Оренбург». Сабит передает через него письмо директору рабфака Шейнессону, чтоб тот не ругал за прогулы.

Написать рецензию на рукопись Сабита Муканова поручил Тогжанову опять не Сталин, а отдел пропаганды ЦК, работник которого, «пожилой русоволосый человек с открытым лицом», вручая Сабиту листок бумаги, говорит: «Прочитайте-ка вот это». Сабит выражает свое удовлетворение рецензией.

Тут-то и возникает несколько вопросов. Во-первых, почему такой известный писатель и общественный деятель в одной книге подробно рассказывает о таком важном визите в Москву и приеме его непосредственно первым руководителем Советского Союза Сталиным, в переводе же говорит по-другому по тем же вопросам?

Или же можно подумать, что вообще незаметный в то время молодой человек из Казахстана, каким был 25-летний Сабит, не мог встретиться с «самим Сталиным», ибо такой чести, проще говоря, возможности, могут быть удостоены лишь единицы знаменитых в то время писателей, скажем, как М. Горький, Д. Бедный, В. Маяковский, М. Шолохов, или же государственные деятели не ниже ранга министров правительства, первые руководители республик... в конечном счете соратники вождя по революции, очень близкие друзья. А наш Саб не тот и не другой. Вопрос запутывается еще и тем, что сведения, имеющие место в книге на казахском языке, скрыты в русском издании.

И другое. Никто из биографов писателя до сих пор не писал об этом случае. Казалось бы, такой значительный эпизод из жизни видной личности, но почему-то не встречается в воспоминаниях современников, особенно тех, кто с ним близко общался. Значит, будущий большой человек не был на приеме у Сталина, а рассказанный случай – вымысел? Сомне-

ния мои усилились еще и потому, что в основном списке людей (об этом списке расскажем позже. – З. Т.), посещавших кабинет Сталина, такой фамилии, как Сабит Муканов, нет!

Тем не менее, косвенное доказательство посещения Сабитом Мукановым имеется.

...5 ноября 2010 года в алматинской «Юридической газете» под заголовком «Дух сильный и неподкупный» было опубликовано интервью Алипа Утешева с ветераном юстиции Изгиликом Нурмаганбетовичем Дабаевым, который долгие годы работал в аппарате Президиума Верховного Совета. Корреспондент приводит из уст И. Дабаева следующие слова, которые имеют отношение к нашим поискам о путешествии Сабита Муканова в Москву.

«...Однажды летом мы отдыхали в санатории “Алматы”. Находившийся там же секретарь ЦК партии Нурумбек Жандильдин вечером нашел меня со словами: “Изгилик, ты на ужин не ходи, а приходите с Кемелем ко мне в номер, я его уже предупредил. И захвати у медсестры шесть-семь мензурок. Приехали родственники, привезли сыбаға (угощение), посидим”.

И вот мы – писатель Сабит Муканов, секретарь Западно-Казахстанского обкома партии Бисен Жумагалиев, Кемел (имеется в виду Кемел Токаев, известный журналист и писатель, в то время редактор «Ведомостей Верховного Совета КазССР» – З. Т.), я и другие – “хорошо сидим”.

Между разговоров Жандильдин спросил:

– Сабе, а в каком году вы были у Сталина на приеме?

– В 1924 году я учился в институте Красной профессуры, – начал Муканов. – Надумал попасть на прием к Сталину. Попал в приемную, помощник генсека говорит: “В письменном виде изложите, по какому вопросу хотите обратиться к Сталину, позже мы вас пригласим, а сейчас идите”. Через несколько дней пригласили, и вот меня принял сам генсек. Кабинет небольшой, он сам в военной гимнастерке. “По какому вопросу пришли?” – спрашивает. “Я хотел быть писателем, но моих книг в Казахстане не издают, называя демагогом и утверждая, что писателя из меня не получится”, – заявил я. Сталин сказал: “У нас в ЦК партии находится казахский писатель Магжан Жумабаев. Он дает нам пояснения, консультации и комментарии обо всех поэтах и писателях казахской национальности. Я ему прикажу публиковать ваши книги и сделать вас писателем”. “Но как? Именно он, Жумабаев, называет меня демагогом, – вставил я (Муканов. – Ред.). – Вряд ли он будет мне помогать”. “А я просить не буду, я прикажу”, – сказал Сталин. Так он помог мне стать писателем. А мои рукописи редактировал сам Жумабаев, – признался Муканов”.

Точность передачи мыслей и слов, якобы сказанных Сабитом Мукановым, по понятным причинам, теперь уже никто подтвердить не может, тем не менее здесь, по-моему, заслуживает внимания само упоминание имени Магжана Жумабаева. Действительно, в то время поэт учился в Москве, в Литературно-художественном институте, и в сотрудничестве с Восточным издательством и Институтом марксизма-ленинизма переводил произведения Ленина и других деятелей партии. Поэтому не исключена связь Магжана с отделом пропаганды ЦК партии, о чем упоминал Сталин. Но в книгах Сабита об этом не говорится.

Тем не менее я не перестаю думать, что это не тот случай, чтобы сочинять легенду. Поездка эта ведь связана с писательской судьбой, со всей последующей жизнью исторической личности, если хотите! Не мог он позволить себе такой безответственный поступок. Мне, как исследователю, импонировала последняя мысль, и я склонен был оправдать «дорогого Сабе» тем, что когда эта часть его книги была предложена русскоязычному читателю, образ Сталина был уже, мягко говоря, непривлекательным. Эпизод, связанный с именем «тирана, кровопийцы, извращенца», как окрестили его наши современники, не представлял какой-либо информационной ценности для документального произведения и его автора.

Наоборот, упоминание имени Сталина, у которого якобы просил помощи будущий большой казахский писатель, могло вызвать предубеждение у читателя. Поэтому автор и прибегнул к сокращению тех мест, упоминание которых счел ненужным. Об этом, кстати, пишет Сабит Муканов в послесловии к третьей книге «Школы жизни», где говорится о том, что «...у мемуарного жанра свои законы и особенности. О годах недавних, о невымышленных героях, живущих и работающих бок о бок с тобой, писать иногда бывает слишком сложно. Многие оценки еще не устоялись, порою случайное кажется важным». Здесь, думаю, прав автор, который пишет о вещах, «отношение к которым еще не устоялось». Вспомним, это был период после знаменитого XX съезда КПСС, разгара кампании «разоблачения культа личности Сталина».

Забегая вперед, просвещаю читателя: **7 января 1925 года Генеральный Секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин тепло принял «работника печати» из Киргизской Республики Сабита Муканова**, вел беседу с ним, прочитал его заявление и соответствующей визой направил на рецензию к инструктору сектора печати Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Габбасу Тогжанову.

Теперь обо всем по порядку.

В 2007 году московским издательством «Новый хронограф» тиражом 350 экземпляров издана книга «На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным». В аннотации книги говорится, что она содержит хранившиеся в Архиве Президента РФ записи дежурных секретарей приемной И. В. Сталина за 1924–1953 гг., в которых ежедневно с точностью до минуты фиксировалось время пребывания в кремлевском кабинете Сталина всех его посетителей. Обширный научный комментарий дает сведения обо всех посетителях кремлевского кабинета И. В. Сталина, представляя исследователям «богатейший фактический материал по истории СССР сталинской эпохи».

Просмотрев книгу, мы выписали некоторые данные, представляющие интерес в нашем вопросе, как-то: на прием 15 июля 1924 года записано – 14 чел.; 21 июля 1924 года – 10 чел.; 1925 год, 7 декабря записался 1 человек, но прием не состоялся; 14 декабря записано 6 фамилий, принято 3; 1926 год, 2 января принято 7; 8 февраля записано 12 фамилий, принято 7; 9 февраля принято 1; 12 февраля принято 1; 15 февраля 1926 года записались 13 человек, которые были приняты И. Сталиным, среди которых знакомы нам: Асфендияров Санжар – член ВЦИК, работавший в Центральном аппарате ВЦИК (член президиума и заместитель секретаря ВЦИК) (1926: 15.02; 15.03; 30.03; 5.04; 20.04), и Джангильдин А. Т. – нарком социального обеспечения Казахской Республики. Мы внимательно выписывали все посещения И. В. Сталина за все годы представителями Казахстана, встречая знакомые фамилии – Нурмакова Н., Асфендиярова С., Мынбаева Ж., Мендешева С., Рыскулова Т. и других.

Так, 14 мая 1931 года, видимо, состоялось важное совещание, и на приеме у Сталина среди 26 человек, начиная от Молотова, Ворошилова, Куйбышева, Кагановича... и кончая «тов. Хвесиным», видим Рыскулова Т. Р. (1894–1938), о котором в примечании написано: «с 1922 г. председатель СНК Туркестана, затем заместитель председателя Совнаркома РСФСР, с марта 1932 года председатель Комитета промысловой кооперации и кустарной промышленности при Экономическом совете РСФСР (1929: 4.12, 1931: 14.05), которые просидели в кабинете генсека до 21 часа 10 минут.

21 октября 1952 года в 22 часа 45 минут в кабинет И. Сталина в сопровождении Г. М. Маленкова зашли Шаяхметов Жумабай (с 1946 года первый секретарь ЦК Компартии Казахстана) и Тайбеков Елубай Базимович (с 1951 года председатель Совета министров Казахстана) и вышли в 23 часа 35 минут.

Несмотря на документальную достоверность источника и заверения составителей о том, что «...каждый, кто входил в кабинет Сталина, подлежал регистрации», сведений о посещениях Сталина нашим Сабитом Мукановым в начале 1925 года мы не нашли. **Продолжая поиск, мы натолкнулись на так называемые «Сводки приема И. В. Сталиным посетителей за 1925–1928 гг.»**, которые даны в качестве приложений к основному тексту объемистой книги из 747 страниц. Причем составители пояснили особенности и назначение этих «сводок» тем, что они обнаружены не в архиве Президента РФ, а в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в личном фонде И. В. Сталина.

Кстати, несколько слов о личном фонде, или так называемом личном архиве И. Сталина. Мы сталкивались с ним раньше неоднократно, когда интересовались перепиской Сталина с представителями творческой интеллигенции. Сталин имел обыкновение иногда после прочтения того или иного письма завизировать его только себе понятным образом, к примеру, письмо Демьяна Бедного Сталину в 1922 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Опись 11. Д. 702. Л. 68) – «в архив Ст», письмо Панферова Сталину (от 03.12.1937) – «В мой архив Ст.», Е. Пешковой (от 02.03.1938) – «Арх. Ст.», Анри Барбюса (от 12.10.1932) – «В мой архив. И. Ст.» и др.

Почему И. Сталин выделял именно эти письма и хотел иметь у себя в личном архиве, можно разве что догадаться: «великий вождь» ценил людей художественного творчества «новой формации» и, как видно из почты, многих из них приближал к себе (Горький, Лахути, Шолохов и др.), поощрял, порою баловал. Кстати, многие ли знают о том, что фонд

Сталинских премий состоял из личных средств Сталина, точнее, из гонораров за его изданные книги и статьи?

Как видно выше, в опубликованных списках посетителей кабинета Сталина наиболее прерывисто перечислены посетители 1924–1927 гг. Так, за 1924 г. имеются сведения о приеме лишь за два дня – 15 и 21 июня. Сведения о приемах за 1925 год также представлены лишь двумя днями – 7 и 14 декабря. За 1926 год есть сведения с января по март, за 1927 год – с сентября по декабрь.

Если в тетрадях (журналах) в большинстве случаев указаны лишь фамилии посетителей и даты приема, то в «Сводках», наряду с этим, во многих случаях приведены имена и отчества или инициалы, а также должности посетителей, учреждения, которые они представляют. В некоторых случаях обозначены вопросы, которые посетители намерены обсудить.

Таким образом, след посещения Сабитом Мукановым (и не только им!) И. В. Сталина мы обнаружили именно в этих «Сводках...», точнее, в личном фонде И. Сталина из РГАСПИ. Читаем: **Приём И. В. Сталиным работников печати за 1925 год. 1. Досов и Луканов** (Досов Абилкаир и Муканов Сабит. – 3. Т.) – Киргизия, о киргизской печати 7 января.

Объяснить опisku в написании фамилии Сабита – «Луканов» вместо «Муканов», думаю, не представляет сложности, ибо регистратор или переписчик мог допустить неправильное начертание буквы «М». Также мы знаем, что секретари часто неправильно писали казахские имена и фамилии, чему немало примеров из этого же списка. Другой вопрос, почему в своих воспоминаниях Сабит Муканов не упоминает об Абилкаире Досове, который сопровождал его к Сталину, что не может вызывать сомнения. Видимо, автор не хотел усложнять рассказ о своей аудиенции у Сталина и пропустил имя Абилкаира, которого, между прочим, считал «самым близким товарищем по жизни, единомышленником, с кем делился всеми сокровенными мыслями» (С. Мұқанов. Есеу жылдары. 425-б.).

Обратимся к другим известным личностям, побывавшим на приеме у Сталина, о чем остались сведения в регистрации посетителей Кремля. В биографии Сакена Сейфуллина отсутствуют сведения о его посещении Сталина. В книге регистрации Сакен отмечен как «б. Пред. Совнаркома Киргизии» (бывший председатель Правительства Казахской АССР. – 3. Т.). Об этом визите С. Сейфуллина мы не имеем никаких сведений, кроме этой записи, и поэтому трудно судить, о чем же шла речь в кабинете «вождя народов». С легкой руки Сабита Муканова сохранился факт обращения Сакена в ЦК с жалобой на правительственных чиновников Казахстана: «Недавно (в начале 1960-х годов. – 3. Т.) в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве найдено письмо Сакена Сейфуллина о борьбе с казахскими националистами, адресованное Центральному Комитету ВКП(б), написанное в 1925 году» (С. Муканов. Годы возмужания. Алма-Ата, 1985. С. 115). Далее Сабит приводит пространную выдержку из этого «письма». Этот случай наводит на мысль о том, не связана ли аудиенция Сейфуллина у Сталина с этим письмом. Вполне возможно. Ни для кого не секрет, что во время правления Голощекина в руководящей среде республики процветала так называемая «групповщина» – разногласия по принципиальным вопросам советского и хозяйственного строительства страны. Можно допустить, что жалоба Сакена связана с этой, прямо скажем, неблагоприятной ситуацией, завершившейся обращением непосредственно к первому руководителю страны.

Факт приема Алихана Бокейхана Сталиным 11 мая 1927 года, думаю, тоже заслуживает серьезного внимания, ибо в жизнеописании Алексея этот случай тоже до сих пор не упоминался. Работник «Центроиздата» Алихан Бокейханов принят Сталиным как «работник печати» и «по личному вопросу». Возникает вопрос: Бокейханов сам пожелал увидиться с генсеком или был вызван в Кремль? Возможно и то, и другое. Ибо должен был решаться вопрос о научной командировке Бокейханова в Казахстан, въезд куда ему был запрещен на государственном уровне. Согласно публикации алихановеда Султан Хана Аккулулы (3.01.2011), через 6 дней после посещения Сталина Бокейхановым из Кремля в адрес руководителей Казахстана (Ф. Голощекина и Н. Нурмакова. – 3. Т.) отправляется шифротелеграмма с подписью Сталина, где было написано: «Сообщите немедленно возражаете ли против временной поездки Бокейханова в Казахстан или постоянной его работы у вас. Сталин. 17.V.27 г.».

Содержание документа указывает на то, что Бокейханов поставил перед Сталиным вопрос о возвращении на родину, где хотел заниматься научной работой. Сталин сам

решать вопрос не стал, а переадресовал его тому, кому виднее последствия пребывания Бокейханова в Казахстане. Как явствует из результатов, Кирибком в лице Голощекина не поддержал возвращение Алихана в республику.

В упомянутой публикации С. Аккулулы трактует вопрос по устоявшемуся трафарету, где Сталин, как обычно, злодей, враг всего святого, в том числе и Бокейханова. Однако вдумчивое изучение текста документа, его стилистики, вкупе с фактом визита Бокейханова в Кремль, наводит на обратное. Можно полагать, что, получив отказ по командировке в Казахстан у себя на работе, конечно, не без участия НКВД, Бокейханов попытался решить вопрос у И. Сталина. И Сталин проявил уважение к личности Бокейханова, как выдающегося казахского национального лидера, которого ценил Ленин, как соратника в борьбе за свержение самодержавия, оппонента политическим взглядам, но большого ученого, и принял славного сына казахского народа.

Третье, это прием почти безработного, которого прогнал Голощекин, «слушателя курсов марксизма-ленинизма» Султанбека Кожанова «по его просьбе». По воспоминаниям современников мы знаем о том, что отношения между Сталиным и Кожановым были, мягко говоря, не ахти какими дружескими. Читали мы и о том, что нередко Кожанов имел смелость высказать открытое несогласие по отдельным вопросам, даже возражал Сталину. Сталин же в своих репликах называл его «Чингисханом» за его резкость и упрямство. В таких случаях, бывало, Кожанов парировал, мол, «Ты сам Чигисхан!». Здесь же мы видим, что Сталин, опять проявив внимание к такому неординарного характера человеку, принял его. До этого, кстати, в должности второго секретаря Каз. Обкома партии Кожанов был принят Сталиным по меньшей мере пять раз и совместно решал с ним самые разные вопросы. А того же Голощекина, первого секретаря республики, Сталин принял один раз в 1927 году.

Заметим и то, что в журнале регистрации о приеме Султанбека Кожанова генсеком сделана пометка «Тов. Сталин знает». Этот факт тоже небезынтересен, он показывает, насколько с уважением, даже «по-свойски» Сталин относился к Султанбеку. В ходе изучения порядка регистрации приема граждан Сталиным мы встречались с подобными пометками, когда тот или иной посетитель пользовался уважением, доверием у принимающего. Так, Смагул Садуакасов принят Сталиным 21 марта 1927 года как «быв. Наркомпрос. Каз. Респ.».

22 февраля 1926 года Сталин принял Сейткалия Мендешева, смещенного в то время с поста Председателя КазЦИКа, как «председателя Казпотребсоюза», числящегося на учете отдела распределения резерва ЦК РКП(б). Алиби Жангелдин, кем пристально интересовался Сталин у Сабита Муканова во время его пребывания в Кремлевском кабинете вождя, беседовал с генсеком ровно через год, 15 февраля 1926 года.

Нами составлен целый список побывавших на приеме у Сталина политических и общественных деятелей Казахстана, руководителей разных уровней, большей частью с формулировкой «по вопросам Казахской Республики», исследовательская работа с которым может открыть много интересного.

Тайшыбай Заркын Сыздыкулы родился в 1942 году. Окончил факультет журналистики КазГУ имени С. М. Кирова, кандидат филологических наук. Работал в средствах массовой информации Карагандинской области, затем был заведующим кафедрой журналистики КарГУ им. Е. А. Букетова, профессором СКГУ им. М. Козыбаева, руководителем Научного центра этнокультурных исследований. Автор 16 учебных пособий, 12 монографий и более 200 научных статей по истории, культуре и проблемам современной журналистики, таких как «Қазақтың ханы – Абылай» (Алматы, 2011), энциклопедия «Абылай хан» (Алматы, 2013), «Абылай хан тарихы» в трех томах (2021). Заслуженный деятель Казахстана, заслуженный деятель высшей школы РК, академик Национальной академии ВШ Казахстана, обладатель почетных знаков «Тіл жанашыры – 2015», «Почетный работник образования РК» и других.

